

А с ф а л ь т

Н и к о л а й М а т в е е в

Николай Матвеев

Асфальт

«Издательские решения»

Матвеев Н.

Асфальт / Н. Матвеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930028-7

Эта книга о том, что у нас в душе, о том, что каждый имеет право на внутренний мир, неважно, что там, внутри, неважно, просто ты человек или может быть — Бог. И я твёрдо верю, что однажды, оглянувшись, мы обязательно увидим за своей спиной цветущие сады, а не утоптаный асфальт.

ISBN 978-5-44-930028-7

© Матвеев Н.
© Издательские решения

Содержание

Колбаса	6
Ангел	12
Мне никуда не деться от себя	14
Чашка	19
Рок-н-ролл	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Асфальт

Николай Матвеев

© Николай Матвеев, 2019

ISBN 978-5-4493-0028-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Колбаса

Екатерина Васильевна Клёст шла по парку, с трудом передвигая уставшие, измученные артритом ноги. Ботинки, на удивление ещё крепкие, почти без признаков изношенности, лишь с небольшими потёртостями и царапинами, шаркали по песчаной дорожке, стирая каблуки, единственную пострадавшую за столько лет часть. Ботинки эти были куплены по случаю, ещё в девяносто восьмом, когда вдруг деньги, одним взмахом ресниц превратились в цветные бумажки, а на сумму, на которую ещё вчера можно было купить автомобиль, сегодня можно было купить буханку хлеба, ну и коробок спичек, которые, на всякий случай, вместе с солью, толокном и перловкой, люди скупали коробками и мешками, выигрывая кровопролитные сражения в борьбе за стратегический продукт. Тогда Екатерина Васильевна, смотревшая утром новости, растерянная и взволнованная непониманием всего происходящего, вышла на улицу и побрела куда-то по улице Правды. Ноги несли её, а слёзы, скопившись в уголочках глаз, срывались и катились по щекам, как сок из раненой берёзовой коры. Сжимая в стареньких ладонях кошелёк, она зашла в случайный магазин, в котором не было народа, а продавщицы тянули жребий, кому бежать за ячменём вперёд, а кто отправится позднее, они ругали Софику, хозяйку магазина, которая ещё вчера успела купить за шестьдесят тысяч рублей автомобиль Лада, последней модели, а им сегодня не было разрешено пойти на рынок и купить крупы, консервов и приправ, на случай если разразится вдруг, гражданская война или страна провалится в жестокий хаос. Они недобро посмотрели на пришедшую, наверное, первую, за сегодня посетительницу и на минуту отложили жребий. Екатерина Васильевна бессмысленно шагала вдоль прилавков, когда её затуманенный взгляд упал на эти ботинки, коричневые, с небольшой металлической пряжкой, немного топорные, но такие родные, по запутанному советскому прошлому. Она взяла их в руки бережно, как только что родившегося малыша, она погладила мысок, погладила каблук, прошла по пряжке пальцами и вспомнила, как впервые пошла на танцы, в военном сорок третьем. Тогда, в эвакуации, в уральском, тихом городке, она слыла красавицей, загадочной девчонкой из хвалёного Ленинграда, города, который чуть не в одиночку побеждает Гитлера. Её белёсые, волнистые волосы всегда искрились, в голубых глазах всегда соседствовали искры и какая-то печаль, свойственная, наверное, каждому, кто родился в хлябях детища Петра. Натруженные руки, и в меру мускулистые ножки, натренированные на заводе по производству снарядов, сводили с ума всех пацанов, кто ещё не ушёл на войну и повергали в мертвецкую тоску тех, кто уже с неё вернулся, без ноги, руки или с иным ранением, не позволявшим бить немецкого захватчика на передовой, да и в тылу с которых было мало пользы, разве что давать указания, пить спирт и рассказывать о битвах. Ещё Екатерина широко и сногшибательно улыбалась, а когда смеялась, то все вокруг молчали, потому что, во время войны так никто не смеялся. Тогда, в конце января, в честь прорыва блокады Ленинграда, специально для поддержки морального духа эвакуированных ленинградцев, работавших на заводах, где производили танки и снаряды, устроили танцевальный вечер, на который приехал военный оркестр, солдаты играли почти четыре часа, а потом эшелонами, отправились в Ростов, тот должен был вот-вот быть освобождён от оккупантов с фашистской символикой и с истинной германской дисциплинированностью. Катя танцевала тогда в новых ботиночках, которые выменяла у заезжих цыган, позже избитых чуть не до смерти, местными жителями, за кражу курицы и поросёнка, на старые карманные часы её деда, Давыда Никифоровича Лобова, сына помещика, род которых терялся где-то при Иване Грозном. Давыд Никифорович купил в Петербурге доходный дом, потом второй, и жил в покое и достатке. А вот сын его, Василий Давыдович Лобов, связался с революционерами, таскал домой листовки и какие-то запрещённые газеты, а после того, как его задержали жандармы, да отпустили через пару дней, он пришёл домой, собрал в котомку вещи и буханку хлеба, простился с отцом, передавшим ему

со слезами эти часы, и отбыл в неизвестном направлении, как позже оказалось, в Выборг. Там он принимал активное участие в челночных поездках будущего вождя мировой революции.

Когда Екатерина танцевала, все мужики и мальчики смотрели на неё открывши рты, кто с грустью, кто с тоской, кто с непонятным чувством где-то под лопатками, в суровой безысходности иные. Смотрел на Катю, как она перебирает ножками, как стучат по доскам пола её новенькие каблочки, как машет руками, как вскидывает голову и поводит плечом, простой уральский парень по имени Демьян. Во взгляде его вождения цель, сжаты его кулаки, желваки мечутся от напряжения. Он смотрит безотрывно на девушку, которая уже вошла в стадию, когда краснеют от одних нескромных взглядов, когда ночное томление не позволяет просто заснуть, когда хочется сказать «Да!», но говоришь всё время «Нет!», лишь потому, что не понимаешь что к чему и почему. Демьян единственный пригласил её на танец, когда оркестр заиграл что-то протяжное и тоскливое, жаль, она не помнит, что же то была за песня. Они кружились в медленном танце, грациозная Екатерина Лобова и угловатый Демьян Быков, и трепетали они в объятиях друг друга, пока лилась рекою песня. А после, он её провожал, до дома, до калитки барака, в мороз, в суровый, в уральский. И на прощание он наклонился к Кате и нежно, не по-уральски вовсе, поцеловал её в нетронутые ранее мужскими ласками губки. Тогда девушке показалось, что жизнь ещё не началась, а мир – всего лишь выдумка, которой нет. Она пришла в себя спустя каких-то пару секунд, ахнула и побежала к двери, а за единственным освещённым окошком тихонько задёрнулась шторка. Демьян стоял как вкопанный, пока не погас свет в окне, а потом ещё, до тех пор, пока не замёрзли в лёд ноги. Потом он ушёл. Два дня назад ему исполнилось восемнадцать, накануне он записался добровольцем на фронт, назавтра он, махнув на прощание матери, пожав руку деду, утерев бабке слезу, ушёл на станцию, в тот самый эшелон, где ехал давешний оркестр, да вместе с ним ещё отряд новобранцев. Война стремительно обретала юное лицо. Демьян вернулся с войны раньше срока всего-то на месяц, восьмого апреля во двор его матери, Анастасии Быковой, единственной оставшейся в живых, въехала повозка, привезшая гроб.

– Дама, вы что замерли, как статуя, брать будете? – Зло спросила продавщица, – Последняя пара, как раз ваш размер, Италия, сносу не будет, завтра будут раза в два дороже.

Екатерина Васильевна потерянно посмотрела на невежливую женщину, безмолвно протянула ей деньги. Продавщица подошла, взяла деньги, пересчитала, замешкалась, решая вернуть сдачу, или сделать вид, что денег ровно столько, сколько нужно, но всё же отдала излишки, вложив их Екатерине Васильевне прямо в ладони, сходила на склад и принесла в коробке второй ботинок. Другая, аккуратно завернула покупку, перевязала бечёвкой и положила в пакет, который и передала Екатерине Васильевне в руки. Потом её проводили, закрыли дверь на замок и побежали на рынок, за продуктами, потому что в магазинах необходимого товара уже не было, или всё скупили, или, что более вероятно, спрятали до момента, когда всё успокоится и станет более-менее ясно по какой цене и что продавать.

Коробку Екатерина Васильевна вскрыла только вечером, когда вернулась домой. Она вспомнила, что даже не померила обувь, тут же одела правый, а затем и левый ботиночек, они пришлись чётко по ноге, чуть поджимая на костяшках, но это ничего, разносятся. На дне коробки, Екатерина Васильевна обнаружила три пары носков, наверное, злой продавщице стало стыдно и она решила так загладить свою вину.

В тысяча девятьсот сорок пятом году, десятого мая, в дом по Лиговскому проспекту, в единственную полностью отремонтированную квартиру, пришло письмо, в котором Екатерине сообщили, что Демьян погиб. И тогда ей показалось, что жизнь закончилась, а мир кто-то выдумал. Тогда она поняла, что война не закончилась, как сообщали вчера, её война продолжалась ещё несколько лет.

Воздух был свеж и лёгок, утренний воздух чрезвычайно бодрит, особенно если вокруг тихо и светло. Екатерина Васильевна смотрела на свисающие берёзовые ветви, вдыхала глубже

утренний воздух и слышала, как под ногами хрустят улитки, в этом году они заполонили почти все листья лопухов, сожрали крапиву и постоянно ползали по дорогам. Их было не жаль и, Екатерина Васильевна не переживала по поводу внезапной кончины этих странных брюхоногих, а хруст их панцирей напоминал хруст гальки на пляже Севастополя, где она отдыхала в шестьдесят шестом, по путёвке, добытой чуть не в боях с бухгалтером Ирэнной Арнайте, большенозой блондинкой, похожей на огромную шпроту, коих в избытке водилось на её исторической родине, которой цифры заменили всю личную жизнь. Бои, правда, проходили без непосредственного участия самой Екатерины Васильевны, однако она записала эту победу себе в актив. Тогда по распределению, их магазин получил три путёвки в Севастополь, одну отдали директору, Владлену Романовичу Козину, естественно. Вторую на общем собрании, было решено отдать Валентине Бездыханной, только что выписанной из больницы с нервным срывом после развода, чтобы в курортном хаосе забыть неверного мужа, что она и сделала в объятьях Владлена Романовича, прямо в первую же ночь, под мириадами звёзд в севастопольском небе. Третью путёвку распределяли через профком, именно там и случилась заминка, себе её они распределить не могли, ибо при проверке слетели бы головы немедленно, Анастасия Викторовна – главбух, отказалась, сославшись на старость, а значит, конкуренция оставалась только между заведующими отделов и Ирэнной, которую все, в том числе и Владлен Романович, хотели сплавить подальше, хотя бы на месяц. И вроде бы заветная путёвка уже готова была уйти в длинные тонкие руки Ирэнны, когда кто-то вспомнил, что отдел Екатерины Васильевны единственный выполнил план во все месяцы текущего года, а литовка, ещё ни разу не выписывала премии Екатерине Васильевне. Так что совет профкома постановил, что путёвка достанется Екатерине Васильевне в качестве премии и быстро вписали её имя и фамилию, дальше ситуацию исправить было нельзя. Литовка встала и, высоко задрав свой огромный нос, хмыкнула и громко топая, вышла из актового зала. Люди стали расходиться, кто-то поздравлял Екатерину Васильевну, она в ответ лишь улыбалась, чувствуя неловкость и вину за то, что ей досталась эта злосчастная путёвка. Вечером, она предъявила её мужу, Глебу Валериановичу Сизых, тот поморщился, тяжело вздохнул и устался в книгу. Через месяц Екатерина Васильевна уехала в Севастополь, где поселилась в кемпинге «Салют», ей выделили маленький двухместный домик, под номером 174, похожий то ли на будку, то ли на улей, с двумя деревянными койками и столом между ними. Ей понравилось, жёстко, зато в одиночестве и тишине. До моря было метров триста, в первый же вечер по приезду, Екатерина Васильевна надела закрытый купальник и пошла на берег. Народу уже было мало, солнце катилось к закату, где-то на горизонте виднелся дым от парохода, море почти не волновалось, а на небе появилась первая звезда. Екатерина Васильевна легла на гальку и услышала хруст и скрип, показавшиеся самыми замечательными звуками на этой планете, она закрыла глаза и растворилась в темноте.

– Красивые здесь закаты, – услышала она тёплый мужской голос в третий вечер пребывания на побережье. Екатерина Васильевна как обычно, лежала на тёплой всё ещё гальке, и, закрыв глаза, мечтала, долгими женскими мечтами.

– Да, – ответила она, – под них очень хорошо мечтается, – потом вздохнула и, открыв глаза, взглянула на гостя. Он стоял всего в двух шагах, глядел на море, приложив ладонь ко лбу, как козырёк. Ему на вид было лет тридцать, тридцать три, в кудрявых волосах игрался тёплый ветерок, а мускулы подрагивали, напрягаясь все поочерёдно. Такой красивый торс Екатерина не встречала в своей жизни больше никогда, ни до, ни после, лишь в эти восемь дней, которые они гуляли вместе по ночному Севастополю, когда они смотрели на военные корабли, когда он собирал ей алычу, она его кормила ягодами и бросала косточки в седое море. На третий день знакомства, Савелий Броневой ласкал её волнующуюся грудь, под сарафаном, купленным в местном универмаге, Екатерина не надела именно сегодня нижнее бельё, а грудь её была ещё крепка, не рыхлы бёдра и красивый, звучный голос, раскрывшийся в солёном воздухе прибоя, угнетённый до того, суровой ленинградской влажностью, фашистским дождиком и мерзким

ветром. Савелий удержать себя не мог, да он и не пытался, он искренне хотел её, хоть был и младше на семь лет, а в тридцать лет для многих это очень много значит. Он чувствовал её тепло, её зов плоти, потерявшийся, сорвавшийся голос, и не докричавшийся до мужа Глеба. Под заходящим солнцем, под шум высоких волн, под нежные нащёптыванья ветра, Савелий гладил её груди, не спеша сорвать с желанной сарафан, затем он медленно, проник в неё и от полузабытого наслаждения, она раскрылась лилии цветком из бледного, полуувядшего бутона.

Они гуляли и предавались плотской радости ещё пять дней, а после, долго глядя ей в глаза, нащёптывая нежные слова, стирая со щеки предательские слёзы, она провожала Савелия, он уезжал на поезде в Москву, с которой, после, отправлялся в свой родной Новосибирск. Поезд уже тронулся, когда он, наконец, смог оторваться от Екатерины глаз и, подхватив тяжёлый чемодан, он побежал за убегающим составом, а она закрыла руками лицо и дала волю слезам, хлынувшим солёным потоком из глаз. Она уходила с вокзала не оглядываясь, она хотела скорее покинуть эту фабрику расставаний. Дальнейший отдых показался ей мукой. Она вернулась в Ленинград на три дня раньше и, застав своего мужа пьяным, села на чемодан и заплакала.

Она писала ему долго, каждую неделю, в течение полутора лет, пока ей не пришёл кошмарный, неожиданный ответ. В конверте, с красно-синими полосками авиапочты, было всего лишь несколько слов: «Савелий умер полтора года назад, возвращаясь из Севастополя, он опаздывал на поезд, и при попытке его догнать, упал на рельсы».

Екатерина Васильевна вышла из парка, она свернула на асфальтовую дорогу и подошла к светофору, до того, как включится зелёный, осталось двадцать две секунды. Двадцать две секунды, подумать только, разомкни они губы чуть позже, хотя бы на эти двадцать две секунды. ... Тогда быть может, Валерий Клёст остался бы с ней навсегда, тогда, быть может, он бы не ушёл на небеса, в терминале Пулково, тогда, наверняка она была бы счастлива, тогда она уже не мечтала о детях, куда там, в сорок пять, хоть и ягодка опять! Жара, конец июля, ночное небо Ленинграда, какие-то звёзды на сумраке космоса, и холод под сердцем, уколы в миокард. А Утром, когда восставшее светило, смиренно пряталось за облака, раздался телефонный звонок, резкий, как бросок кобры. Екатерина испугалась, нервно глянула на свадебное фото, в конце апреля сделанное, тогда как раз Валерий первым приземлился в Пулково, а не в Шоссейной, на следующий день они бракосочетались. И вот, предательский аппарат, он никогда не нёс ничего хорошего! Она подошла к телефону, долго смотрела на него, как на неведомую доселе диковину, потом взяла всё же трубку и услышала голос, который поломал её последнюю надежду, последнюю любовь. С тех пор она больше никогда не летала самолётами и не ходила в аэропорт, она старалась избегать поездов и вокзалов, она больше не смотрела на мужчин, она больше не смотрела в небо.

Вот и магазин. Екатерина Васильевна преодолела шесть ступенек вверх, миновала двери и попала в хаос покупателей и продавцов, в беспорядочную систему продуктов сетевого магазина. Она тяжело вздохнула, вспоминая давние времена, когда кругом были очереди и колбасу взвешивали, бросая куски на плотную серую бумагу, и если вдруг, отрезали немного меньше, тонкими, почти прозрачными кусочками добавляли до нужного веса. Екатерина Васильевна улыбнулась. Теперь всё не так, теперь есть, как бы, выбор. Она пошла в хлебный отдел, взяла нарезной батон, упакованный в пакет, но не нарезанный, она не любит нарезанный, в нём уже совсем нет жизни хлеба, нет того неповторимого привкуса печи и муки. Поясок обещал, что батон свежий, что ж, может быть, старушки охотно верят, что их кругом обманывают, они же сами охотно это придумывают. Екатерина Васильевна прошла мимо витрины с алкоголем, ей страстно захотелось плюнуть в каждую бутылку, ведь если бы не эта гадость, всё могло быть не так, всё иначе быть могло! Глеб, с которым они прожили почти десять лет, был инженером и, поначалу, неплохо зарабатывал, получил квартиру, они переехали в Автово, в замечательный кирпичный дом, мимо которого Екатерина Васильевна проходит иногда и смотрит на некогда свои окна с тоской и чувством того, что именно там находится точка невозврата, та точка, после

которой всё кубарем катилось вниз, несмотря на то, что вроде бы, жизнь неслась вперёд. Затем его перевели на другую работу, в другое НИИ, за ошибку в расчётах, отчего проект пришлось переделывать и удорожать. Глеб сник и стал иногда выпивать, потому что, там выпивали все, по пятницам, чтоб лучше отдыхалось. А после его выгнали за пьянку, как и трёх его коллег, с которыми они закрылись в актовом зале и, распив бутылку водки, завернувшись в красный флаг, цитировали Ленина, картавя буквы и громко смеясь. Повезло, что не расстреляли, даже не посадили. То ли было лень, то ли, действительно весело, то ли – оттепель. В общем, Глеб остался без работы почти на год, после чего Екатерина Васильевна устроила его в магазин кладовщиком. Они приходили домой, ужинали и не разговаривали, Глеб читал газеты, пил пиво на кухне, а Екатерина Васильевна занималась хозяйством и готовилась к следующему дню. Это было в шестьдесят пятом, а в шестьдесят восьмом он умер от цирроза.

В магазине что-то произошло, вокруг образовалась суeta, народ пришёл в какое-то броуновское движение, слышались крики, кто-то уронил корзинку, бабки зашептались, деды беспокойно стали оглядываться по сторонам, детишки с интересом наблюдали за всеми, округлив глаза. Екатерина Васильевна как раз рассматривала цену на наклейке, приклеенной к колбасе, брауншвейгской, дорогой, кусочек в двести грамм стоил около двухсот рублей. Екатерина Васильевна очень любила эту колбасу, ей нравилось кушать её со свеженьким батоном и непременно, почти условным слоем, сливочного масла. А вот Валерий не любил эту колбасу, он морщился, когда Екатерина с наслаждением кусала бутерброд, и перекаtywала во рту образовавшийся мякиш, медленно пережёвывая его, прикрыв глаза, порой казалось, что если бы не было на свете мужчин, она бы влюбилась в эту колбасу. Валерий вздыхал и отрезал себе ломоть докторской, аккуратно укладывал его на кусок хлеба и с аппетитом ел, прихлёбывая чаем. В магазине на мгновение погас свет, старушки стали роптать и креститься, слышались какие-то шорохи, а кто-то от неожиданности, или от страха вскрикнул. Кто-то толкнул Екатерину Васильевну в локоть и колбаса выпала из рук, пытаясь в темноте поймать её, Екатерина Васильевна хватанула пустоту, и почувствовала, как за широкий рукав её бежевого плаща проскакивает небольшой батончик колбасы. Она выпрямилась, оцепенела, и в этот миг включился снова свет. Вокруг была суeta, все как-то подозрительно оглядывались, люди жмурились и шлёпали по карманам, проверяли сумки. Громко объявили, что кассы не работают и всех просят покинуть магазин, потому как нет никакой абсолютно возможности обслужить покупателей, но через час или два магазин с радостью распахнёт свои двери для всех посетителей, и даже даст пенсионерам дополнительную скидку за причинённые неудобства. Народ нехотя потянулся к выходу, оставляя тележки и корзины прямо там, где стояли, и только особенно не понятливые бабушки, просили продать им хотя бы хлеб и Вискас, а то голодают котики дома.

Екатерина Васильевна стояла в оцепенении, ощущая валик колбасы у себя в рукаве и чувствуя себя довольно глупо, с поднятой параллельно полу левой рукой, в которой лежит колбаса, и вытащить уже поздно, и выходить с ней страшно. Выручил её охранник, мужчина, лет сорока семи, с брюшком и, ну очень усталыми глазами, он подошёл к Екатерине Васильевне, оставшейся уже в одиночестве, взял её бережно под локоток и, что-то бормоча, стал подталкивать её к выходу. Она похолодела, и чуть было не упала на пол, почувствовала, как слёзы наворачиваются на глаза, на старости лет стать воровкой, сесть в тюрьму из-за проклятого огрызка колбасы! Она пыталась что-то сказать человеку в чёрной форме, но из горла доносились только звуки, напоминающие кудахтанье курицы.

– Такое случается, что же поделать, – говорил охранник, подводя её к кассам, – вот пройдёт часок, другой, приедут специалисты и всё сделают как надо, – они прошли мимо касс, ворота почему-то не запищали, – а вы пока идите домой, отдохните, повязочку, может, смените, опасно руки ломать в таком возрасте, – Охранник подвёл Екатерину Васильевну к выходу, за которым толпились человек пятнадцать, не знавших, что им делать, открыл дверь и мягко подтолкнул старушку за дверь. – Они всё починят, тогда всё и купите.

Екатерина Васильевна так и пошла, с поднятой и согнутой в локте рукой, она смотрела только вперёд, мысли её были путаны и скачкообразны. Она дошла до парка, села на первую попавшуюся скамейку и заглянула в рукав, там лежал кусочек колбасы, вкусной, дорогой. Брауншвейгской. Она осмотрелась вокруг – мир был прекрасен, солнце пробивалось сквозь ветви с редющей, пёстрой листвой, Ветерок шуршал в деревьях кронах, воробьи трещали о чём-то птичьим, мимо прошла молодая мама с коляской. Екатерина Васильевна улыбнулась, чувствуя, как в уголке глаз скопилась грустная слезинка, сопровождая всплывшее из недр памяти воспоминание. Она сидит на лавочке, в своём довоенном дворе, она лижет карамельку на палочке, и с клёна падают красные листья, солнце играет на крышах, мимо проходит соседка, с ребёнком на руках, в разгаре осень тысяча девятьсот сорокового года. И впереди жизнь полная надежд и планов, жизнь полная добра, любви и счастья, красивая, и долгая такая жизнь.

Август – сентябрь 2012

Ангел

Я вижу, как ты падаешь, как тянется за тобою печаль, готовая рассыпаться на землю, готовая накрыть весь мир, после того, как ты коснёшься зелени травы, а может, серости асфальта. Всё в мире так устроено, что рано или поздно, ты всё же упадёшь, ты распластaeшься на тлене вымершей земли, ты перестанешь быть собой и мной, ты перестанешь быть хоть кем-то, ты просто перестанешь. Я провожаю тебя взглядом, я даже помашу тебе рукой, всё кончено, всё потерялось и остановилось, мир уже перевернулся, небо уже рядом, оно как раз после земли. И нет ни крыльев, ни пропеллера, ни парашюта, всё позади, всё в разговорах, в граммах спирта, всё в сигаретах и разорванных газетах. Зажечь свечу, остаться во вселенной, всего делов-то, только попросить, всего делов-то – только чуть помочь. Я вижу, как ты падаешь, как ты уже всё выше, выше.

Сигареты, спички, бьющееся сердце. Кто-то плачет за стеною, кто-то что-то говорит, кто-то набирает номер, всё течёт, всё изменяется, всё скачет, улетает, падает, стремится. Всё в тарелках, в городах, в мёдом пахнущих деревнях, в номерах больших гостиниц, в пахнущих войной плацкартах, в вывернутых наизнанку снах, в выжженных в дороге кишках. Мы метались по стране, по нехоженным дорогам, по расстеленному полю, по прожитому когда-то, по расстрельным стенам храмов и кремлей. Ты топтал святую землю, распивал святую воду, похмелялся на базарах, ты всё время прыгал с неба, раскрывая парашют, ты искал и находил, ты ковал и расплавлялся, ты стрелял и снова восставал из пепла. Ты рассказывал всё это, потирая правый бицепс, пальцами по шраму, памятью по печени, жизнью по любви. Я всё слушала тебя, бросая взгляд на небо синее, вытирая слёзы, запивая коньяком. Ты никогда не падал, а если ты и падал, то вставал. Но теперь, я вижу, как ты падаешь и, точно знаю, что теперь уже в последний раз.

По осколкам босиком, кровью по скрипящему паркету, пальцами по раскрасневшимся щекам, я плюю на справедливость, я плюю туда, где небо, я знаю, что нет путей, кроме торного, я разворачиваю душу, чтобы потерять её, остаться чтобы без её останков. Всё выжжено, как две деревни в Чаде. Я знаю, ты рассказывал, ты был в аду чуть раньше, чем в него вернулся, ты встретил и меня-то только потому, что ад тянул тебя к себе, всё зазывал, вскрывая новые возможности для забвения, не слышать чтобы голосов и криков, не видеть страха и кошмаров, не просыпаться, не выходить из пике. Пропеллеры не движутся, молчат моторы, закончился и путь, и керосин, приходится, расправив руки в стороны, лететь, как птица, напрямик к воде, пытаюсь вырваться из лап костлявых, пытаюсь просто вырвать из неизвестности ещё денёк-другой. Я слушаю и прижимаюсь к тебе, целую ломаные пальцы, сжимая левое предплечье, с татуировкой на арабской вязи. Что-то непонятное, что-то, что немного согревает душу, или это спирт? Очередная порция, и снова закрываются глаза, вновь темнота меня с тобой уложит.

В пыли, в расстеленных кроватях, в расплюснутых сердцах, в карманах только три монеты. Мы шли куда-то, мы всегда ходили до обеда, мы прятались, запутывали все следы и заходили в магазины, меня всё время выгоняли, а ты смотрел на это, подходил к охране и дипломатично уводил меня под руки, оставив бедных корчиться от боли, стонать и помощи просить. Нас не пускали на пороги магазинов и торговых центров, а если нам вдруг всё же удавалось просочиться, то утро мы, как правило, встречали в обезьяннике, я в женском, ты – в мужском. Я видела тебя скалой, а ты меня, быть может, падшим ангелом, а может быть дешёвой шлюхой, наверное, второе ближе к истине, с моим-то носом, сломанным три раза, с моими вечно красными глазами, почти без сисек и ушами как у обезьяны. Быть может всё не так, со стороны, но зеркало – ведь тоже сторона, другая, не такая как внутри меня. Мы утопали в дыме и тогда, мне становилось и спокойнее и проще, мне было безразлично всё вокруг, мы плавали в нирване, сжимая самокрутки в наших толстых пальцах, мы искали новый мир, где

нет воспоминаний о скитаниях, где нет ни мира, ни людей, ни параллельных, ни прямых, ни перекрёстков. Мы просыпались на полу, в обнимку, без одежды и почти без кожи, нас выгоняли, мы спешили прочь. Ты прятался, рассказывая мне про смерть в Афганистане, ты посылал меня за смертью, я не возвращалась, ты посылал меня за водкой, я приносила даже больше. Я слушала тебя, всегда, я так хотела быть тебе полезной, я влюблена была тогда... как и теперь.

Я вижу, как ты падаешь, я чувствую утрату, во мне ломается основа. Я мысленно тебе рисую крылья, я мысленно рисую траекторию твоих полётов, сначала в землю, а оттуда ввысь, я каждое мгновение её рисую, я верю, что ты будешь там, я позабочусь, я же ангел, а не шлюха!

Ты рисовал мне страшные картины, ты мне показывал награды и значки, мы вместе ремонтировали звёзды на погонах, мы вместе подшивали к кителю воротничок, мы вместе поднимали стопки за товарищей, а после ты смотрел в окно, ты плакал и мне называл фамилии бойцов, пропавших, потерявших жизни, угодивших в плен. Ты называл мне страны, ты называл правителей и командиров, ты помнил населённые пункты, ты называл их на трёх языках. Ты говорил, что жалеешь о том, что не стал тем, кем мог бы, ты говорил, что жалеешь о прожитой жизни, ты говорил, что в голове только память как снимки из фотоотчётов, ты всегда мечтал стать какой-нибудь птицей. Мы смотрели на закат, и ты мне сказал: «Помоги». Я вытерла слёзы, я обняла тебя за талию, ведь ты меня намного выше, я слышала, как бьётся твоё сердце, я чувствовала дрожь в твоих руках, я отошла на четверть шага и толкнула тебя в спину. Мне кажется, ты с облегчением вздохнул.

Я вижу, как ты падаешь, я чувствую, как в пятки мне вбиваются осколки, я слышу, как визжит какая-то старуха, я слышу, как соседка вызывает скорую, а может быть, милицию. Я чувствую, что ты уже внизу, ты неподвижен, ты уже вне времени, вне мира. И я рисую траекторию полёта, теперь ты вознесёшься в небеса, как мученик, святой.

И, всё-таки, я – Ангел.

21 июля 2010 г.

Мне никуда не деться от себя

Чувствуешь ли ты обман?

Чувствуешь ли ты, что твое поведение руководимо кем-то?

Ощущаешь ли ты свободу?

Четко ли понимаешь что это такое?

Кирпичи – «Вопрос»

Я жду, я всё ещё чего-то жду... Напрасно, бесконечно, бесполезно. Все прожитые годы словно скомканные, неправильно и некрасиво, вычурно написанные сказки. Где жизнь, где солнце и свобода? Заложены кирпичными стенами все выходы, все двери, разрыты все туннели, засыпаны камнями, залиты водой. Рассержены все демоны, убиты ангелы, хранители, и те, что просто наблюдают, простые жители небесные, простые жители земли, все в мире с дьявольской ухмылкой. Простите, небеса, я снова комкаю разорванный на части А4 лист. Последний – это точно. Мне никуда не деться от себя.

Мы в шоке, мы не могли представить, что на такое он способен. Всегда здоровался, всегда поможет сумки донести до этажа, потом на свой обратно спустится, улыбочивый, спокойный, добрый. Мы в шоке, мы не знаем, что нам думать. Вот так вот броситься с окна...

Шагать легко, когда шагаешь по земле, сложнее – если лезешь в гору, и невозможно, если ты стоишь на краешке земли, на грани между смертью и остатком жизни. Разглядываешь грязные ботинки, стираешь с лезвия остатки крови, вдыхаешь аромат лесной листвы, читаешь Александра Блока вслух, ломаешь ветви, прячешь все зловещие улики, и думаешь, ломая мозг, всё думаешь, всё знаешь. Остывшее сознание прикрываешь ветками, стираешь с рук остатки грязи, бросаешь на траву салфетки, бредёшь обратно, мысленно себя бичуя, стираешь слёзы рукавом, а после пьёшь на кухне чай, вприкуску с рафинадом.

Да нет, никто, пожалуй, и не замечал за ним такого. То, что вы мне рассказали – ужас! Теперь не знаю даже, как мне относиться к людям, если такой вот тихий человек творил такие вещи. Наверное, до пенсии я буду за руку водить детей гулять. Теперь, наверно, никаких гостей. Паника? Нет.... Хотя – да. Мне страшно было жить и до сегодняшнего дня, война там, понимаете, террористы, но чтоб такое, да ещё буквально на соседнем этаже... Конечно страшно.

Запах горелой кожи всегда разный, он зависит от чистоты её, от толщины, от цвета, у женщин и мужчин запах отличается очень сильно. Женский помягче. Когда они кричат, у жертвы расширяются зрачки. Причём, если вставить им в рот кляп – то зрачки расширяются, чуть ли не во весь глаз, а если позволять им кричать с открытым ртом, зрачок чуть меньше, видимо, когда есть выход страху в форме крика – у жертвы есть надежда на спасение. Инстинкты, все мы всё же – звери. Потом приходится проветривать весь дом, зимой на даче нет почти соседей, а те что есть, два старичка – глухие, им не слышать криков. Отряхивая снег с калош, бросая в печь поленья, согревшись коньяком и кофе, рисуешь на заснеженных окошках странные узоры, потом стирая со щеки слезу, упавший с сердца камень замещаешь новым, другим, который всё не выбросить никак. На нём начертаны слова: «Мне никуда не деться от себя».

Да, я с ним учился в школе, тогда, конечно же, как все в далёком детстве, мы таскали домой животных, котят, щенков, а он однажды изловил крысёнка и потащил его домой. Нам всем не разрешали дома держать животных, у кого-то, конечно же, были свои собачки и котята,

тем говорили, что достаточно и тех, кто есть. А он говорил, что ему разрешили. Всегда разрешали, понимаете? Примерно раз в неделю мы были у него в гостях с ребятами, потом с девочками, ну, позже, может быть пореже, не суть, суть в том, что дома у него никогда не было никаких животных. И мы тогда спрашивали, что же с ними стало, и неужели он всё врёт, ему не разрешают оставлять животных дома, на что он злился и твердил, что просто от него они сбегают. Ещё он чуть не криком говорил, чтоб мы спросили у его мамы, если мы ему не верим. Нас почему-то это убеждало. Теперь мне как-то жутко вспоминать всё это. Зачем вы мне разбили детство, отрочество, юность?

Да-да, а помнишь, его назвал Володька «крысоед», после чего так сильно получил, что провалялся месяц в городской больнице? Тогда я, как и все девочки, подумала, что этот парень сможет постоять не только за себя, но и за свою невесту. Мы все в него влюбились. Правда, теперь меня от этого бьёт дрожь.

Секс не был для меня никогда тем, ради чего стоит совершать поступки, он как бесплатное приложение, есть – хорошо, нет – не очень хорошо, да ну и пусть, в мире много других удовольствий. Хотя, не скрою, было в этом что-то более возвышенное, чем в простой науке. Исследования в области секса более многогранны, причём как для испытуемого, так и испытателя. Порой, не знаешь, на чьей ты стороне, и после этого холодный ум гораздо более полезен, нежели желание продлить мгновение, попробовать ещё. В конце концов, секс – это просто копуляция, спаривание – так уже менее романтично? Рабыни садо-мазо клубов доверчивы и более наивны, чем те, которые стоят вдоль дорог, чем те, которые работают по вызову, а безнадёги у дорожных больше всех. Те, что уже под дозой, более спокойны, а те, кто в ломке, даже не кричат, скорее, просят о прощении, кого-то выше, не тебя. К ним нет ни сожаления, ни чувств, они пропали много раньше. А те, что даже в слякоти крови кричали «СТОП!!!», всё ещё надеясь на удачный выход, когда границы все преодолели, и наслаждение ушло, остались боль и страх, когда цепляясь пальчиками за подушку или ламинат царапая, кричат, впадая в панику лишь только это слово, их становилось жалко. Когда в трясущихся руках дрожит стакан и тлеет сигарета, ты плачешь над прекрасным телом, и прогоняешь демонов своих, которые вычерчивают на лодыжках её тонких: «Мне никуда не деться от себя».

Однажды, он нашёл моих детей, моих близняшек. Тогда им было по семь лет, они катались в луна-парке на «Ромашке», а мы их ждали за оградой, в толпе таких же мам и пап. Когда сеанс закончился, мы двинулись к воротам, но наши близнецы не вышли. Тогда мы в панике метались по всем аттракционам, мы подняли на уши весь персонал, всю охрану, те даже вызвали милицию, но не нашли наших деток. В полночь нас привезли на милицейской машине домой, я плакала, а муж чуть не тащил меня домой. На лестнице мы встретили соседа, он расспросил нас о случившемся, он дал мне валерианы, велел выпить мужу коньяк и никуда не уходить. В пять тридцать две, кто-то позвонил нам в дверь, мы открыли её и у меня случился обморок от счастья. На пороге стояли наши девочки-близняшки и он. Он улыбался, а девочки плакали, они сбежали тогда от нас через забор, заметили дырку перед самым стартом карусели, и ради смеха убежали. Потом, как они сказали, ими завладел азарт, и они убежали из парка, а потом заблудились. Девочки ещё долго после этого случая боялись от нас отходить, до восьмого класса они просили провожать их до школы, а возвращались только с кем-нибудь из одноклассников. Они всегда радовались, когда встречали его, недавно, они подарили ему статуэтку пышногрудой женщины с плодами, и подписали у её ног «Жива». Не знаете, что бы это значило?

Она была особенной. Она была другой. Конечно, в каком детективе без женщины, в какой такой жизни – без чувств? Быть может она могла поставить другую точку, не такую, которую

поставила, возможно, она могла закончить всё, а так она поставила запятую, долгую и жирную. Мы познакомились на кладбище, не правда ли, удачное место для знакомства? Она как раз похоронила мужа, а я закопал какого-то бродягу. Я помог ей дойти до машины, все остальные, кто был с ней уехали уже больше часа назад, а она всё плакала у свеженькой могилы. Тогда она сказала, что потеряла самое бесценное, она потеряла любовь. Теперь, сказала она, у всего есть цена. Я ответил, что нет цены у знаний, а она улыбнулась и написала на моей ладони телефонный номер. Я позвонил ей через две недели, и она пришла ко мне. Тогда в моей квартире поселился тёмный свет. Я угостил её горячим чаем, она мне рассказала о себе. Мы были вместе где-то год, когда она уехала куда-то. Вот так, без слов, без маленькой записки, без ругани, без крика. Мне кажется, она уехала туда, куда дорога лишь в один конец. Тогда я потерял единственное бесценное в своей жизни и во мне проснулись старые инстинкты. Когда мне нужно было видеть кровь, она случайно резалась ножом, и я зализывал ей ранку, когда мне не давал заснуть фантомный хруст костей, она разделявала курицу ножом. Когда мне щекотало ноздри, она палила над огнём свиную шкуру.

Когда он пришёл в этот храм, я думал, что он очередной современный безбожник, изображающий покаяние, чтобы на самом деле попросить ещё финансов, чтобы серебряным крестом купить себе благополучия побольше. Мне показалось, что не за верой он пришёл, и не за искуплением. Но мы поговорили с ним, и мне увиделась бездонная чёрная пропасть, в которой было мытарство, в которой была пустота, которую могла заполнить только вера, края которой сшить могло лишь покаяние и скорбь. Он приходил сюда по средам, он неистово молился, всё время опускал монеты в ящик для пожертвований на постройку храма. Да, я видел в нём заблудшую душу, конечно, я не знал всего, что было скрыто, но вот в этом и была его ошибка, он всё держал в себе, Господь, конечно, видел все его грехи, но он готов простить, только тогда, когда ты облечёшь их в форму слов, когда откроешься ближним. Конечно, все его осудят, быть может, проклянут, быть может, вызовут людей в погонах, но это – первый шаг к очищению. Раскаяние начинается не ночью, в бессоннице, когда вокруг смеются демоны, раскаяние начинается тогда, когда ближние узнают от тебя же, грешника, о деяниях твоих, когда они тебя осудят и это есть первый этап наказания. А уже церковь даст тебе подсказку и защиту. Господь не свой у каждого, Господь – один у всех, и все мы должны любить друг друга так же, как Господь нас любит.

Я мечтал быть космонавтом, исследовать пустоту, открывать другие планеты, находить иные формы жизни. Я стал космонавтом, я исследовал пустоту, открывал другие планеты, находил иные формы смерти.

Я здесь не потому, что сумасшедшая, понимаете? Он сделал из меня посмешище, теперь меня лечат не пойми чем от душевного расстройства на почве ревности, понимаете? Я здесь уже два года, а ещё полтора были для меня кошмаром. Кошмаром, понимаете? Я не сумасшедшая. По крайней мере, была. По крайней мере, до того, как попала сюда, понимаете? Это всё он, и пусть он горит в чёртовом аду! Мы встречались с ним где-то месяц, мы познакомились в клубе, потом он проводил меня домой, всё так целомудренно, всё романтично, если бы не двадцать первый век, понимаете? Он закидывал меня смс-ками, я писала в ответ, сначала редко, а потом всё чаще. С течением времени наша переписка становилась всё более откровенной. Мы не так часто встречались, раз или два в неделю, так что мои подружки смеялись надо мной, считали, что я выдумываю парня, понимаете, выдумываю парня! А я им всё рассказывала про него, рассказывала.... Когда же он пригласил меня к нему домой, я прихорашивалась часа два, я полетела к нему на крыльях. Мы пили с ним вино, играла музыка, всё было словно в сказке, если бы не двадцать первый век, понимаете? Потом стемнело, он зажёл

свечи и спросил, как настоящий джентльмен, останусь я или меня проводить домой. Кто после этого пойдёт домой? Понимаете? Сначала всё было хорошо, в маленькой спальне было прохладно, окно почему-то было закрыто, но был кондиционер. Потом он привязал меня лентами к спинке кровати, я просила этого не делать, но всё же.... Не могу. Короче, он стал прижигать мне пятки. Понимаете, то ли сигаретами, то ли просто спичками, я лягалась, я кричала, но никто ничего не слышал, понимаете, никто! Когда он зачем-то ушёл, мне удалось высвободиться, на левой руке лента порвалась, я левша, понимаете, так вот, я выскочила в коридор, открыла дверь и бросилась по лестнице, звоня во все квартиры, потом я побежала в общежитие, там вахтёрша вызвала милицию. Мне было больно, очень больно. Утром, когда мы вместе с милиционерами пришли к нему домой, он с наглою улыбкой сказал, что я сумасшедшая, что преследую его уже не первый день, что телефонный номер на самом деле не его, могут проверить, понимаете, могут проверить! Номер действительно был зарегистрирован на одного моего сокурсника, он объяснил, что просто забавлялся таким образом, это ведь не противозаконно. Короче, дело замяли. Когда я возвращалась с дискотек, он преследовал меня, всегда стараясь оставаться в тени или подходить ко мне, когда вокруг никого нет. Понимаете? Я ещё трижды обращалась в милицию, я говорила им, что он меня преследует, однажды он подошёл ко мне среди бела дня перед университетом и щёлкнул зажигалкой, он сказал, что может дать прикурить моим пяткам. Понимаете? Когда я закричала, он куда-то скрылся. В итоге они забрали меня сюда. Они пихают в меня таблетки. Они колют меня чем-то. Понимаете? Иногда я просыпаюсь с новыми ожогами на пятках или ладонях. Понимаете?

Я много работал, много работал, чтобы не было времени на всё остальное, но работа не спасает, она лишь порождает новые вопросы, работа убивает время, но не убивает стимул. Гораздо интереснее после эксперимента узнать о том, что чувствовал мой испытуемый, но нынче двадцать первый век, все срочно ломанутся в органы, мне вызовут врача. Родиться бы в четырнадцатом веке, или хотя бы в той Германии. А здесь и сейчас приходится зачищать следы.

Да мне он всегда казался странным, ни пива с нами не попьёт на скамеечке, перед парадной, ни на рыбалку. В гости редко заходил, хотя звали его все и часто, бабам нашим он нравился очень, я даже спрашивал, чего это вы так к нему все липните? А они в ответ, мол, мужчина, видно хороший и хозяйственный, то строит что-то, то мусор выносит всякий. А он вон что оказывается, выносил. Жуть берёт. А ведь и моя могла вот так же, в мусор попасть. Жаль, что я его порвать не могу. Если бы он был на нашем месте, придумал бы себе наказание пострашнее.

Нет, мне правда жаль всех тех людей, с которыми я так обошёлся. Да, я выдумал всю это чепуху про то, что я исследовал как умирают люди и звери. Просто, когда в голове твоей кто-то всё время шепчет о крови, кто-то стучит молотком по мозгам, крыльями машут невидимые демоны, когда ты смотришь на шею и ноют уже твои руки, тянутся к поясу, на котором висеть должен нож, когда пелена застилает твой взгляд, спасенье только одно – планировать муки. Я пытался обмануть свой мозг, планировал, но не воплощал, тогда всё гораздо хуже, тогда я срывался среди бела дня, тогда было много хуже. Охота меня не спасала, звери – только лишь звери, а люди, они же знают, с чем расстанутся.

Я лишь дважды заметила за ним некоторые странности, впервые, когда ему было года четыре, он молотком бил по голове котёнка, мёртвого. Тогда он был весь в крови и кусочках мозгов. Это было страшно, тогда его никто не видел, кроме меня, конечно же. Когда я спросила его, зачем он это сделал, в глазах его была пустота и страх. Он мне ничего не ответил. Он вообще заговорил всего спустя два дня. Для нас это стало тайной, неким табу. Я старалась

избегать этой темы. Я боялась, что с ним может быть что-то не так. А потом, в школе, как-то меня спросили его друзья, где все животные, которых он приносил домой, я отшутилась, что они сбегают от него уже через пару дней, но сама мгновенно вспомнила о том котёнке. Я спросила его про животных, на что он мне сказал: «Каких животных?»

Пожалуйста, казните меня первой, отдайте на растерзание возмущённой толпе!

Из меня бы вышел отличный террорист, жаль, что это пришло мне в голову только сейчас. Мне не помогла мать, она ведь помнит про того котёнка. А я не рассказал ей про то, что началось это всё с того, как дед рубил голову петуху, после того, как топор бухнул о чурку, после хруста костей и фонтанчика крови, я почувствовал, как в моих штанах потеплело, я описался, упал и слышал хохот. Я пролежал полдня, в, с тех пор недостижимой для меня, нирване. Чуть ближе к ней, конечно, люди, а не петухи, котят, крысы. Мне никуда не деться от себя.

Вы знаете, мне кажется, когда я падал из окна на землю, я находился где-то рядом, когда я ударился, на миг мне показалось, что обрёл я наконец-то, что искал. Ещё я слышал чей-то хохот.

Тогда мы убежали от родителей через дырку в заборе, потом мы побежали за комнату страха, оттуда было видно всё, что происходит перед каруселью. Мы захихикали, смотря, как мечутся родители, когда нам крепко вдруг зажали рты и повели за трейлер. От страха мы даже не могли кричать, нас повалили на траву, прижав коленом, накрепко связали, засунули в машину и куда-то повезли. В подвале пахло плесенью и сыростью, спустя несколько часов нам развязал глаза огромный дядька, он сел на стул и говорил нам гадости какие-то, которых мы не понимали. Он приказал нам раздеваться, мы плакали, снимая сарафаны. Потом раздался в дверь звонок, какой-то шум и разговоры на повышенных тонах. Он вошёл, сказал нам одеться, сказал, что нас ждут мама и папа. Пока мы умывались в ванной, мы слышали периодически какие-то удары. Он привёз нас домой, он посоветовал нам рассказать всё родителям. Но мы не рассказали. Недавно мы подарили ему статуэтку, когда мы объяснили, что это богиня жизни и плодородия, он, кажется, заплакал.

6 августа 2011 г.

Чашка

Чайник закипел, и пар стремился к потолку, в надежде вырваться на небеса, как птица, выпорхнувшая с клетки, как человек, сбежавший с плена, как чувства, что в надежде на ответ. Ночь охмуряла город, она сидела на синем табурете и смотрела за окошко, она мне что-то бормотала, рассказывая случаи из жизни, наверное, значительные, быть может, даже слишком, чтоб рассказывать такое. Я слушал её, смотрел в красивые глаза, в которых раньше было столько жизни и любви, что можно было раздавать прохожим, и иногда мне становилось страшно.

Её я встретил у метро, она сидела на скамейке, заваленная снегом, и согревала мёрзлые ладони, дыханием своим. Она одета в кожаную куртку, в джинсы и на высоком каблуке ботильоны, на длинных волосах, как шапка белый снег, местами превратившийся в холодный лёд. Она дрожала, как собачка, что осталась без хозяина и потерялась в холоде ночном. И я её окликнул, я сказал «Привет», я обнял её за плечи и пригласил к себе, мы сели на маршрутку и поехали сквозь снег, она пахла табаком, развратом, коньяком и безнадёгой. Я обнимал её и чувствовал, как под моими руками дрожит её тело. Она сказала мне спасибо, она сказала, что сегодня в ней сломалась палочка, державшая всю хижину, она сказала, что теперь всё кончилось, и, дай бы Бог, чтоб снова всё не началось, и дай бы Бог, чтоб дальше пустота. А я ответил, что не бывает пустоты, в ней обязательно что-то да есть, пусть в самом дальнем и тёмном углу, пусть через миллионы лет, пусть через парсеки расстояний, но в пустоте на что-то обязательно наткнёшься, быть может даже, на того же Бога.

Я разлил по чашкам кипятки, окунул в них по пакетик чай, а она мне говорила, что однажды была в Испании, она смотрела корриду, её туда позвал с собой один толстосум и толстобрюх, они летели туда чартерным рейсом, на лимузине ехали на побережье, а на утро была коррида, и главным тогда был Эль Хули, он же Хулиан Лопес Эскобар. К чему мне всё это? Тогда она пришла в дикое возбуждение от вида крови быка, или от самого Эль Хули, она точно не знала, но разум её тогда пропал где-то в испанском небе, под яркими звёздами Севильи. Тут я подумал, что наверное, после такого зрелища, я бы никогда не кушал больше говядины, но то я, а то – она. Её не напугать одним лишь видом крови и умирающего дикого животного, от этого она всего лишь улетает в небеса, поближе к ярким звёздам севильского неба. От неё по-прежнему пахло развратом, но понемногу пропадал запах табака. Я до сих пор не знаю, курит ли она теперь, раньше не курила. Какая в этом разница? Отпив глоток несладкого чая, она очнулась около бассейна, а он кружился босиком с бутылкой Виски, голый и неприятный у края бассейна, дико что-то крича, на смеси русского и свинячьего, она сказала, что тогда её стошнило прямо в бассейн. Всё было оплачено, через неделю она вернулась обратно и хотела жечь воспоминания, но не было под рукою зажигалки и не было бензина.

Две ложки сахара, чтобы вкуснее, что ли, было. Я долго и упорно размешивал чай, жадно всматриваясь в красные губы, а она смеялась и пила коктейль. Тогда у меня оставались силы только на то, чтобы подносить ко рту чашку с растворимым кофе, да делать маленькие глоточки, а остальные силы отобрал проклятый алкоголь. Она смеялась, пальцем тыкала во всех и говорила, как оракул, что ждёт каждого из нас. Указав на меня, она взглянула мне в глаза и изрекла, пронзив насквозь холодным взглядом, что я буду метаться по вселенной, построю башню, но так и не дожусь своей богини. Все хохотали, я не мог, я пил глотками маленькими, кофе.

Я вновь кидаю в чашку пару ложек, привык, ведь так действительно вкуснее. Она глотает чай и говорит почти стихами, как презирая вечность и мороз, плюя на смену и на неизбежность, она выходит на проспект и первый встречный, пьяный человек, под канонаду фейерверков,

ломается как жертва обстоятельств, ему в отместку, чтоб себя сильнее унижить, испачкать, смять и завернуть в пакет, она садится на колени в снег и со слезами делает ему...

Я думаю о том, что надо будет после вымыть чашку, не как обычно, лучше с содой, а ещё лучше – с хлоркой.

В её ушах болтаются длинные серьги, они так красиво подчёркивают шейку, наверняка она сводит с ума миллионы, но сама наверняка, не сошла с ума ни разу, хотя, говорит мне об обратном, взять хотя бы некоего итальянца, который выкрал её разум и сердце, от которого у неё щемило не только сердце, но и ключевые органы женщины, она даже согласилась сняться ради него в порнофильме, а после, после он ей выдал наличные и сказал, что нового контракта не будет, он мне сказал, что я не так играла. А я не играла!

Да, где-то в глубине сознания, там, что ближе к поверхности, я поставил себе галочку, что было бы интересно найти этот фильм, жаль только, что названия его она не сказала, потому что не помнила, а актёра – потому что не хотела помнить.

Она взяла конфету тонкими своими пальцами и ловко развернула фантик, потом зажала её между зубами, обняла её красными губами и пальчиком средним, с длинным ногтём, протолкнула конфету в рот. Все парни, молча и открывши рты, смотрели на это как на волшебство, мечтая превратиться в сладкую конфету.

Такой же трюк она проделала сейчас и, мне вдруг расхотелось сладкого, возможно, навсегда. Проходит время, и стареют звёзды, вселенная меняется, привычки остаются и, в новом свете, они выглядят как дряхлая старуха в прозрачном и ажурном боди.

Она смотрит мне в глаза и, на мгновение я улавливаю искру, которую я ждал, которую надеялся увидеть хоть однажды, хоть украдкой, конечно, для себя, конечно, чтоб навечно, ведь для чего иначе всё это желать и ждать? И вот, мелькнувшее, не трогает, не разжигает пламя, потому что фея превратилась в старую колдунью, потому что я построил башню, её вы сможете увидеть в Купчино, и я воздвиг нелепый пьедестал, для той, которая осталась феей где-то далеко, в одних воспоминаниях, где-то в недрах памяти людей, или в её сознании, изменённом. Да, я метался по вселенной, да, я искал похожую, но так и не нашёл, я придирался, я знал, что другой такой не будет никогда. Теперь я напоил мою долгожданную чаем, согрел и успокоил, теперь я мечтаю, чтоб она ушла и больше не терзала пьедестал, пусть забирает, он теперь не нужен. Другой такой не будет никогда, да и той же уже никогда не будет.

Я мыл посуду, я чувствовал, как она смотрит мне в спину и что-то в голове прокручивает, что-то, что мне не понять, что-то, что мне не простить. Она обняла меня за талию, да, у меня есть талия, и прислонилась щекой к спине моей. Я выключил воду, да так и остался стоять.

– Как жаль, что нельзя всё сначала начать, – сказала она и, наверное, уронила слезу. Я хочу так думать.

– Наверное, не стоило начинать тогда, – ответил я.

– Спасибо тебе. – Сказала она.

– Не за что, – ответил я, – это всего лишь чай и прошлое, которое уже навсегда таким останется.

– Поверь мне, есть за что. – Сказала она и, поцеловав мне спину сквозь рубашку, отпустила меня, ушла, наверное, вытирая слёзы. Я хочу так думать.

Ещё я подумал, что надо бы сжечь эту рубашку.

Я услышал, как закрылась дверь и понял, что через час примерно, её кто-то встретит где-нибудь на лавочке, покрытой снегом, дрожащую, как той-терьер, потерянную, пахнущую чаем, коньяком, развратом и пригласит к себе, чтоб обогреть, послушать, как она теряла смысл, как смывались грани, как разрушалось волшебство. И на какой-то миг, в её глазах мелькнёт искра, когда она поймёт, что для него была богиней, пусть и низвергнутой теперь в испепеляющую лаву ада. Наверное, для этого и стоило пройти все семь кругов, по Данте.

Я выбросил в мусорное ведро ту чашку, из которой она пила чай.

1 января 2013г.

Рок-н-ролл

Степан смотрел на таракана, деловито марширующего в направлении крошек от хлеба, на дальнем конце стола, накрытого старой клеёнкой в сине-красный цветочек, ей было уже триста лет, наверное, как городу, может быть даже больше... Степан проследил за тараканом, тот подбежал к крошкам но, видимо, почувствовав что-то неладное, смылся в угол и убежал по стене, куда-то вниз. На кухне царил какой-то кислый запах, а мойка была полна грязной посудой, на плите стоял засаленный чайник, огонь под ним не горел, чаю Степан не хотел, да и спичек не было, газ было нечем розжечь. Степан тяжело вздохнул, взглянул в окно, там яростно светило солнце. Весна – подумал Степан и снова тяжело вздохнул, в коридоре послышалось шарканье, это проснулась Катерина, через несколько секунд она показалась из-за угла, взлохмаченная, опухшая, с красными глазами, и снова чем-то недовольная. А ведь раньше она была весела и задорна, раньше она улыбалась почти что всегда, даже если её одолевала печаль, где-то в глубине её сиреневых глаз блестели огоньки улыбок, она пленила его своими очами, когда-то... Как это было давно, сколько песчинок просыпалось через часы...

Катерина включила свет в туалете, сверкнув недовольным и полным ненависти взглядом в сторону Степана, рывком открыла дверь и скрылась в туалете, громко хлопнув за собою и с яростью защёлкнула щеколду. Степан опять уставился в окно, он вновь предположил, что за окном весна, он вспомнил, как он делал Катерине предложение, как с клумбы в семь утра нарвал тюльпанов, как поклонился Брежнева портрету и крикнул ему: «Пожелай мне удачи!» А после, они с Валеркой бежали к дому Катерины и мелом на асфальте рисовали ромашки и сердечки, такие были дурачки в свои двадцать лет! Но она ответила отказом, сказала, что вернётся к этому вопросу после окончания института, и Степан решил ждать. Наверное, генсек удачи так и не пожелал. Валерка обнял товарища за плечи и повёл в пивную, он говорил, что это ничего не значит, что Катька любит его, что надо просто подождать, окончить институт всего-то через пару лет, а после уж и свадьбу! Да в этом смысле, Катька даже и права! какая семья, когда нет ни гроша, ни уголочка, вот только на работу ты устроишься, тогда и... Такие речи продолжались около пяти часов, пока Степан ещё себя помнил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.